

Малолетка

Автор:

Анастасия Шерр

Малолетка

Анастасия Шерр

Возможно ли покорить сердце юной детдомовской девчонки? Да. Достаточно показать ей красивую, яркую жизнь. Возможно ли выбраться из вязкой тины, в которую ты попала по собственной глупости, доверившись криминальному авторитету? Исключено... В оформлении обложки использовано изображение Just dance. Источник: сайт Shutterstock. Содержит нецензурную брань.

Пролог

Вот и всё...

Свобода.

Совершеннолетие.

Взрослая жизнь.

Сколько раз я представляла этот день? Не счесть. И вот, он наступил. Такой волнующий и долгожданный. До слёз, до дрожи в коленках страшно... Но вместе с тем так радостно, интригующе.

Ведь я отправляюсь в другой мир... Мир взрослых. Чудесный, интересный мир. Что меня там ждёт? Ах, если бы знать...

Оглянулась и... Ничего. Никакой грусти или тоски. Детдом – не то место, по которому можно скучать. Совсем не то.

За восемнадцать лет даже друзей не заимела в этих стенах... Кроме горя и слёз вообще ничего не видела здесь. Мрак. В прочем, едва ли каждый выпускник детдома может похвастаться счастливым детством.

– С Богом! – выдохнула и, подхватив свой небольшой чемоданчик, вышла за ворота.

Погода была дождливой и какой-то угрюмой... Совершенно неподходящей для такого великого дня. А может я просто преувеличиваю его значимость.

Всего лишь восемнадцать.

Всего лишь новая жизнь Аси Воскресенской.

Глава 1

За окном было пасмурно и слишком темно для наступившего утра.

Он открыл глаза и повернул голову в бок.

Рядом лежала длинноволосая, смуглая брюнетка с силиконовыми губищами. Ничего привлекательного. Впрочем, как обычно. Если бы не физиология, у него даже не встал бы на такую. Да если бы он разглядел её спяну вечером, то и не встал бы.

– Ммм, доброе утро, – промурлыкала ему в ухо, чем вызвала лишь раздражение.

Ведь сказал же, чтобы свалила ещё до того, как он проснётся. Овца тупорылая.

– Добрым оно станет, когда за тобой закроется дверь, – тихо, но сурово.

Больше ничего говорить не потребовалось.

Молча поднялась, подобрала свои шмотки и на цыпочках к двери. Ему лучше не перечить.

Поднялся, подошёл к окну и, размяв широкую татуированную спину, замер. Паршивая погода действовала на него успокаивающе и заволакивающе. Он любит холод и ненастье – его стихия.

Сейчас он постоит так несколько минут. Оголит свою душу, перед тем, как снова спрячет её в надёжный непробиваемый панцирь, а потом снова станет тем, кем является по жизни.

Безжалостным беспредельщиком, которому не писаны законы. Он сам себе закон. Себе и окружающим его людям. Тем, кто жизнь за него положит, пожелай он того.

– Шеф, пора, – в дверном проёме появился Пахом.

– Когда ты уже начнёшь звать меня по имени?

– Лавр... – Пахом вздохнул, отмечая, что у шефа сегодня хреновое настроение. – Пора нам.

– Макар меня зовут, дурья твоя башка, говорил спокойно, но Пахом слишком хорошо его знает, чтобы не понять – сейчас он превратится в тайфун...

Схватил со столика бутылку с коньяком и со злостью запустил её в стену.

Пахом прикрыл глаза, когда по белоснежной стене разлетелись тёмные брызги, а осколки посыпались на пол.

– Ты опять мне блядугу подсунул, Гена!!! Какого хуя, объясни?! Я нормальную бабу просил!

Геннадий поморщился, но не ответил, склонив голову и глядя в пол. Главное, переждать первую грозу. Сейчас поорёт и успокоится. Тогда уже можно будет с

ним говорить. Или хотя бы попытаться объяснить, что нет таких баб, каких он хочет.

Правильные девочки не шляются по клубам и не «снимаются» по ночам у дороги. Не идти же ему, затраханному Пахому, по квартирам в поиске хорошей девочки.

– Нет, Гена, сейчас не прокатит молчание! Я кого просил мне привести?!

– Шеф... То есть, Лавр... Мой косяк. Но где мне искать таких, как ты хочешь? Они же на дороге не валяются. Тем более, тебе каждый раз не нравится, даже если целка...

– Потому что штопанных мне водишь, Гена! Или я по-твоему, не в состоянии отличить зашитой бляди от чистой девчонки?!

Вот как?! Как объяснить этому психу, что не пойдёт к нему хорошая девочка. Не продаются же они.

Морока с этими бабами, честное слово.

Вот чем его не устраивают давалки? Какая разница, кто там до тебя был в той дырке? Не жениться же ему припекло. Или...

– Я найду, – коротко кивнул, ибо спорить себе дороже.

– Сегодня же!

* * *

Настроение – дерьмо.

Ничего удивительного.

Устал он от одиночества.

Семью хочет.

Сына.

Всё у него есть. Деньги, тачки, квартиры и даже коттедж за городом. А бабы нет.

Не от того, что урод или недоразвитый какой... Просто не нужна ему та, которую поймали во все дыры и не по одному разу.

От шлюхи детей он не хочет.

А те, которым удалось проходить до двадцати лет целками – страшнее атомной войны.

Вот где взять такую, чтобы и члену приятно, и глазу радостно, и женой хорошей стала?

Да он, в принципе, и без жены мог бы.

Тут хоть бы ребёнка кто родил...

А из пробирки не хочется.

Да и суррогатная мать – не вариант.

Баба, которая продаёт своего ребёнка априори не может быть матерью. Не должна, вернее.

Гадко это до тошноты.

Нет, он, конечно, не динозавр. Об отношениях наслышан, да и сам, чего греха таить, пытался...

Только всё заканчивалось раньше, чем наступал рассвет.

Так уж сложилось, что Макар не терпит девушек, у которых были интимные отношения до него. Как будто сливки сняли, а ему отдали скисшее молоко. Невкусно нихрена.

Обычно всё заканчивается, так и не начавшись, после одной ночи. Очень редко – после двух.

И снова длительное воздержание до очередной давалки.

А время идёт. Уже тридцать четыре. А он, придурок, всю жизнь на бабки променял. Толку теперь, от бабла этого, если даже семью не купить.

– Бухнёшь? – кивает на бутылку с коньяком, на что Пахом закатывает глаза.

– Может хватит, Лавр? Уже месяц не просыхаешь, ворчит недовольно Геннадий и провожает взглядом стройную официантку. – Ты кабак себе купил, чтобы бухать ежедневно?

Макар хмыкает и молча наливает себе в бокал. Если бы кто-то другой посмел так вякать на него – пасть уже до ушей разодрал бы.

Но Пахом прав.

Зачастил что-то с бухлом.

А что делать? Скучно ведь, хоть волком вой.

Хоть бы забаву какую...

– Что там с бабой моей? Она хотя бы уже родилась?

– В поиске ребята, брат. Обещал же, значит, достану. До вечера точно найду. Только тебе же не угодишь. Завтра опять скажешь, что шалава.

А разве виноват он, что баб нормальных не осталось?

– Ладно, расскажи мне, что там с моей землёй? И почему до сих пор на ней не строится мой комплекс?

– Да вот жопа тут полная. Все жильцы старого дома согласились на переезд, а один старик никак не идёт на контакт. Говорит, под бульдозер ляжет – свою комнату в коммуналке не отдаст. Ребята ему квартиру недалеко от центра предлагали взамен, а он ни в какую. Не валить же старика.

Ну да, валить – не дело.

Да и не занимается он подобным уже многие годы. И со стариками воевать не его удел.

– Значит, сам поезжай и поговори. Водки возьми, продуктов деду. Глядишь, бухнет и пообереет.

Пахом молча кивнул и как бы нечаянно отодвинул бутылку в сторону.

– Блять, ты как баба ворчливая, – не удержался, подколот Гёну, тот в ответ лишь покачал головой.

Скорее бы бабу ему найти. Хоть ненадолго отвлечётся, а то совсем уже крышей поехал. Так и до психоза недалёко. Неудовлетворённый мужик – катастрофа.

Глава 2

Пахом скривился от отвращения, глядя на какую-то вязкую субстанцию, которую дед гордо назвал чаем и поставил в железной армейской кружке на стол.

– Ну и жопа тут у тебя, дед. Полный пиздец, я бы даже сказал, – огляделся по сторонам и снова поморщился.

Ну и халупа.

И это даже не обычная квартира. Это коммуналка! Старая, вонючая, с облезлыми и загаженными стенами.

Вот как нынче живут пенсионеры... Те, что жизнь свою на благо родины положили.

– Зато не ворованное – своё всё.

Геннадий хмыкнул. Подъебал старик, конечно, знатно.

– Ты не кипишуй, дед. Вот подарки лучше прими, – поставил на стол пакеты с продуктами и уселся на старый хлипкий стул, который тут же жалобно закрипел, мудрено ли – такое туловище выдержать.

– А кто ты такой, что подарками тут сыплешь? Уж не из этих ли бандюков, что дом мой снести хотят? – старик хитро прищурился, сканируя взглядом Пахома.

Тот скривился в недоброй усмешке. А дедуля-то не лыком шит – мудачина тот ещё.

– Из тех, отец. Из тех. Только не бандюки мы. Бизнесмены. Сечёшь разницу?

Дед хмыкнул.

– Так это, сынок, одно и то же.

– Ну да, может и так. Только заметь, я тебя не мочить пришёл, а с подарками. Может выпьем, поговорим, как мужики?

Старый вояка (а в том, что перед ним именно ветеран – Пахом не сомневался), пораскинул мозгами и, кивнув какой-то своей мысли, потянулся за гранёными стаканами.

* * *

Дверь оказалась незапертой, и я, тихонько отворив её, прошла в квартиру. В нос ударил неприятный запах плесени и пыли.

Да уж...

Степан Иванович совсем одичал.

Раньше всегда опрятный был, чистоту любил.

Правда, в такой квартире сложно чистоту эту самую поддерживать. Вон стены все облупились и отсырели.

Ещё и дверь не запирает.

Так и до беды недалеко.

Правда, какой грабитель, будучи при здоровом уме, полезет в эту коммуналку. Вонь да грязь, ничего более здесь не отыскать.

Ничего и не изменилось за прошедшие годы. Разве что, народу стало меньше. Раньше здесь было много детей. Да и я в том числе... Пока в детский дом не угодила.

Мои родители меня не баловали лаской и хорошим отношением... То и дело получала подзатыльники от матери. Отец так и вовсе ремнём «шкуру спускал». Сколько себя помню, меня били и выкидывали из дома, как ненужного котёнка. Алкоголь заменял им все семейные блага.

Хорошо, что в соседней комнате жил добрый Степан Иванович, который относился ко мне, как к родной внучке. Своих ему иметь не посчастливилось, как и детей, а потому я стала у него частой гостьей.

Степан Иванович одевал меня, кормил... Всё на свою пенсию. И это в то время, пока мои родители отдавали водке души и здоровье.

До тех пор, пока кто-то из них не уснул с сигаретой...

Нелепая смерть – задохнуться от дыма в пьяном угаре.

Тогда-то и забрали меня в ненавистный детдом. Степан Иванович не смог оформить опеку по состоянию здоровья, но навещал меня регулярно, поддерживая и даря надежду.

– Степан Иванович! Вы где? – бросила сумку на пол и прошла по длинному коридору на кухню.

Застыла в проёме, встретившись с тяжёлым взглядом незнакомого мужчины.

Пугающего и неприятного.

Не то, чтобы страшный, нет... Но что-то такое отталкивающее было в нём, что захотелось убежать.

Глупо, конечно.

Не маленькая уже, чтобы бояться собственной тени. Тем более, после всего пережитого.

– Здравствуйте, – кивнула в знак приветствия и перевела взгляд на побледневшего Степана Ивановича.

Похоже, он не ждал меня... Ах, да! Я же приехала раньше на день. Но почему мне кажется, что он испуган?

– Асенька... Милая, ты иди пока в мою комнату. Мне тут поговорить нужно... С гостем, – последнее слово старичок молвил с нажимом, недовольно поглядывая на мужчину. – Иди, внученька.

А вот сам, так называемый, гость, как-то нехорошо смотрел на меня. Казалось, он даже не моргнул ни разу за минуту. Взирает так, будто хотел прожечь во мне дыру и увидеть мои внутренности...

Пренеприятнейший тип.

– Какая у тебя внучка хорошенькая, Иваныч. Может познакомишь?

* * *

– Хороша, да не про тебя! – зло буркнул дед и шикнул на девчонку.

Та крутнула хвостом и была такова. А Пахом задумался. Девчонка свеженькая. Лет двадцать от силы. По-любому целка. Вон старый хрен как о ней печется, сразу прочухал, чем тут пахнет.

Надо бы пробить кто такая, да Лавру инфу вручить. А он пусть сам думает, надо ли ему.

На вкус Пахома, конечно, девчонка, что называется, «ни о чём». Костлявая, глазастая, перепуганная какая-то. Как будто мужиков отродясь не видала.

Хотя, наверное, Лавру именно такая и нужна. Чтобы от вида члена в обморок падала.

Хмыкнул. Да он её раздавит. Если, конечно, она раньше от сердечного приступа не откинется, увидев голого мужика.

Но, в принципе, всё очень даже ничего складывается. И на деда управа нашлась. Старик что угодно сделает, если этой соплячкой припугнуть. И Макару отрада будет. Пахом, будучи игроком дальневидным, сразу же всё просёк и взвесил «за» и "против".

– Ну так что, дед? На сделку согласен?

Старик вздохнул и покачал головой.

– А если не соглашусь?

– Тогда я твою внучку выловлю и попользую, – коротко, ясно, жёстко.

Без всяких там заискиваний. Не хрен кота за яйца тянуть.

– Жильё-то хоть нормальное дадите? Имей в виду, пока квартиру не увижу – отсюда не уйду! – Степан Иванович хорошо понимал, что бандиты не отступятся и, скорее всего, воплотят свои обещания в жизнь.

Больно переживал он за Асю, чтобы вот так вот запросто отдать девочку на растерзание зверям. Достаточно и того ужаса, что ей пришлось пережить в детском доме. А уж как ждал он её, родную. Даже комнату её непутёвых родителей отремонтировал по возможности. Жаль, теперь не придётся девочке там пожить.

– Нормальное. Точно получше этой развалины, – фыркнул Пахом и, опрокинув в себя пол стакана водки, поднялся из-за стола. – Не бойсь, дед. Не кинет никто и не обидит. И девку свою нормально пристроишь.

О том, что он сам «пристроит» девочку, Геннадий решил не распространяться. Рано. Да и не факт, что Лавру понравится. Вдруг и эта не «первой свежести» окажется.

По пути заглянул в комнату с приоткрытой дверью, где переодевалась девочка.

Нет, всё-таки симпатичная. Только худая, как щепка и сиськи маловаты. Но, с другой стороны, не ему же, Пахому, трахать её.

Вышел на улицу и, прикурив сигарету, набрал шефа.

– У меня две новости, обе хорошие.

* * *

Тем же вечером

Макар крепко затянулся и выпустил сизую струю дыма в потолок. Расслабленная поза, ноги закинута на столешницу, а глаза лениво прищурены.

– Мне нравится девчонка, – бросил на стол папку с досье Аси. – И то, что детдомовская хорошо – не будет слишком борзеть. А дед что?

Пахом усмехнулся.

– Дед за внуку испугался. На всё согласен.

– На всё не надо. Квартиру ему нормальную подгони. Пусть ни в чём себе не отказывает. А девочку я хочу увидеть лично.

С детдомовскими ему ещё не приходилось иметь дело, но что-то подсказывало, что богатый жизненный опыт и битком набитый карман сделают своё дело. Макар не любил ухаживать за девушками, но в данном случае без этого никак.

Малолетка, конечно...

Это настораживало и даже немного отталкивало.

Всё-таки ей восемнадцать, а ему тридцать четыре уже. Разница нехилая.

Но попробовать всё же стоит.

Детдомовские о семье мечтают. А что сближает больше, чем одна жизненная цель?

Достаток, опять-таки.

Он девочку обеспечит, цацками задарит, по заграницам покатает.

Разве плохо?

Ещё раз посмотрел на фотографию Аси и усмехнулся. Миленькая девчушка. Губки пухлые, не силиконовые «сосалы», а настоящие, алые, нетронутые. Глаза карие, глубокие, но почему-то печальные. А ещё, курносая. Немного смешная, но дико сексуальная.

Он был уверен – «подружатся».

Главное, правильно познакомиться.

Глава 3

– Фуух! Устала как! – смахнула со лба мнимый пот и улыбнулась, осмотрев плоды своего труда придирчивым взглядом.

– Ох, зря ты эту уборку затеяла, Асенька, – Степан Иванович покачал головой. – Отдохнула бы лучше, в кино сходила или ещё как отпраздновала возвращение домой... А халупу эту всё равно снесут со дня на день. Нас переселят в хорошую квартиру...

Степан Иванович грустил – было видно невооружённым взглядом. И, честно говоря, я не совсем понимала его капитуляцию. Ну да, новая квартира это, разумеется, очень хорошо. Только старичок мой не из тех, что легко сдаются... А уж как он любил эту коммуналку...

Ну что ж, что не делается, всё к лучшему. В конце концов, может в новом доме нам обоим будет лучше. Жизнь наладится и забудется былое. Ах, если бы...

Звонок в дверь мгновенно вышиб из головы детские мечты и я пошла к двери. Открыла и оторопела.

Передо мной стоял высокий мужчина в кожаной куртке, одетой поверх черной футболки, тёмных джинсах и массивной цепью на шее. Из-под футболки к шее «поползла» какая-то замысловатая татуировка. Ну чисто бандит из девяностых... Лысины не хватает только и биты.

Не то, чтобы я знала бандитов из девяностых... Видела их в кино. По-моему, какая-то мелодрама о любви преступника и дочери милиционера. Бандиты эти, опаснейшие особи. Ни за что бы не связала с таким жизнью. Хорошо, что они остались в девяностых.

– Здравствуйте, а вы, наверное, к Степану Ивановичу? – поинтересовалась с осторожностью.

Как-то странно он на меня смотрел.

А глаза тёмные, почти угольные. И кожа смуглая. Весь в чёрном... Ну точно бандит.

Нервно, рвано выдохнула, когда его рука взметнулась вверх, а пальцы коснулись моего лица.

– Беленькая. Свеженькая. Прелесть, не девочка, – проговорил с обезоруживающей улыбкой и я даже забыла на мгновение, как не люблю чужие прикосновения.

– Простите...

Казалось, что мужчина не в себе.

Даже страшно стало.

– Дед твой где? Мне поговорить с ним надо... – я отшатнулась и он убрал руку. – По поводу жилья вашего.

– Ааа... Так вы по поводу квартиры? Простите! Я просто не сообразила сразу! – отошла от двери, приглашая странного гостя в квартиру.

Ну и ладно, что с придурью. Зато квартиру новую нам даст. И всё-таки в сердце поселилось какое-то неясное ощущение... Я ещё не поняла, что это трепет перед сильным мужчиной, для которого уже тогда была единственной целью.

– И гостеприимная... – о чём-то на секунду задумался. – Хотя мне это не особо нравится, – и прошёл вглубь.

Я пожала плечами и закрыла дверь.

– Чай мне сделай, солнышко, – снял куртку, аккуратно повесил её на вешалку и безошибочно пошёл в сторону кухни, где кашеварил Степан Иванович.

Солнышко?

Хм, а что, приятно.

Меня в детдоме не часто так называли.

А точнее, никогда.

Но всё-таки он странный.

* * *

Сладенькая девочка.

Даже не представлял, что так понравится.

Честно говоря, ожидал встретить злобного волчонка.

Но нет.

Девчонка мало того, что хорошенькая до безумия, так ещё и воспитанная. Любит он таких лапочек. Жаль, редко попадаются. Да и те со временем оказываются не такими, как он себе размечтался.

А эта чистая, милая.

Да с ней одно удовольствие семью создать.

Рука сама потянулась к её лицу. Хотел потрогать её, коснуться своей кожей её. Напугал, наверное, но не жалеет. Давно не трогал невинную. Аж в голове загудело. О том, что творилось в штанах... Рано ещё. Надо сначала с девочкой познакомиться, так сказать, поближе.

Наблюдал за тем, как прытко она бегаёт по кухне и заваривает чай.

Старика почти не слушал.

Абсолютно всё равно, чего он там хочет в своей новой квартире. Этим займётся Пахом. А он, Макар, пришёл за ней.

Сидел и тайно исходил слюнями по худенькой детдомовке. Даже не сразу осознал, что накрыло.

Он поймёт это позже.

Когда выйдет из старой коммуналки и увидит, что сжимает в руке её шарфик, который стащил незаметно не только для неё, но и для себя.

В этот день он пропал, наивно полагая, что его помешательство связано с желанием продолжить свой род.

* * *

Всё не так. Всё раздражает и бесит. Даже пить не хочется, что бывает с ним в последнее время крайне редко. Рано, конечно, ставить диагноз, но, видимо, запал на девчонку.

Иначе, с чего бы ему всё время пялиться на её фотографию и мять в руках хренов шарф.

Малолетка – это хорошо, бесспорно. Но разве это не клиника, вот так вот слюни пускать взрослому мужику? Он уже давно пережил то время, когда ещё верил в любовь.

Вот была бы она чуть постарше, да поопытнее – взял бы вино, конфеты и прочие приблуды, да завалился к ней. А уже к утру всё остыло бы у него, потому как бабы его привлекают пока стоит член.

Поэтому до сих пор и не женился, хоть и есть такое желание. Вот не «вкусные» они все. Максимум на неделю его хватает, а потом... Что-то идёт не так.

Разумеется, Макар никому не рассказывал, что это «что-то не так» устраивает он сам. Либо к девушке «подкатывает» красивый молодой парень, либо не особо красивый и молодой, но при деньгах. И ни одна! Ни одна, мать их, ещё не отказалась от подобного знакомства!

А ему шлюхи не нужны.

Ему умницу, красавицу, комсомолку подавай.

Вот и дошёл до того, что шарфики ворует у юных дев.

Представлял, как поцелует впервые её пухлые губки. Наглая ложь, что поцелуи ничего не значат. Нет ничего слаще поцелуя девственницы. Это как наркотик...

Его наркотик.

Возможно, кому-то это покажется бзиком зажавшегося авторитета или даже каким-нибудь извращением... Но ему как-то наплевать. Любит он чистоту, что ж тут поделать.

– Макар, ты меня слышишь? – Пахом что-то переспрашивал раз так сотый, наверное.

– Чего тебе, Геннадий? Не видишь, занят я, – пробубнил и развалился на диване, закинув ноги на стеклянный столик.

Гена поморщился, но не решился указывать предводителю, как тому себя вести. Ибо чревато. Особенно, когда у него крыша протекает. А она протекает.

– Я о делах тут, между прочим, распинаюсь, – обиженно проворчал Пахом. – А ты на девку смотришь целый день...

– Пусть тебя моя девка не парит, понял? – Лавр подался вперёд и глаза его потемнели.

Гена не подал вида, что удивлён, но слегка стало не по себе. Это же что он такого увидел в этой малолетке, что так башкой двинулся? За один раз даже...

Вот не понять ему, Пахому, чем такие свиристелки мужиков увлекают. Баба должна быть фигуристой и взрослой, а не это... Недоразумение.

– Что мне с их жильём делать? – поспешил перевести разговор в другое русло, ибо нехорошие огоньки в глазах предводителя уже зажглись, а это первый признак того, что шеф в ярости. – Старик требует, чтобы им с девчонкой дали одну квартиру.

– Я же сказал, что она будет жить отдельно, что не ясно, Гена? – не хватало ему ещё, чтобы дед под ногами путался.

Старый не так-то прост, как может показаться с первого взгляда. Далеко не прост. И мозги на месте, несмотря на возраст. Догадался сразу, что неспроста к нему сам Лавров пожаловал.

Захочет старик конфетку от него спрятать. Не бывать этому. Его, Макара, девчонка будет, и всё тут.

– Но дед...

– Да насрать на деда, Ген. Слышишь? Насрать мне. Изолируй её. Чтобы я в любое время дня и ночи мог её одну застать. Понял?

Пахом, конечно, всё понял. По другому и быть не может. Но... Мать его, этого Лавра психованного, как ему девчонку от деда оторвать?! Да старый хрен войну устроит, но мелкую не отдаст.

– Сделаю, – буркнул, наблюдая, как Макар сминает в кулаке женский шарф.

Даже жаль девчонку немного. Лавру ведь если чего захочется, то всё... Туши свет, бросай гранату. Всех вокруг раком поставит, но своё возьмёт. С корнями выдерет. С кишками даже, если отдавать не захотят.

А мелкая вон как ему приглянулась. Тут простое «нет» не проканает. Даже силой девчонку возьмёт, если захочет. А он хочет. Дуреет от малолетки глупой.

Одна беда. За все «хотелки» шефа отдуваться приходится Пахому. И этот раз не исключение. Вот нахрена ему, спрашивается, девке этой жильё оформлять, если всё равно через неделю новую бабу прикажет искать? К чему эта головная боль?

– Может привезти тебе её сегодня? Без всяких ухищрений даст. Зачем нам этот геморрой с квартирами? Заселили бы обоих в «двушку» и дело концом. А девку попользуешь пару раз и всё. Стоит ли на дырку столько бабла спускать? – попытался урезонить предводителя, да куда там...

– Ты, Геннадий, полегче на поворотах. Пока что я сам решаю, кого, когда и как мне трахать – это раз. Два – делай, что сказал. А я поехал. Мне мою девочку увидеть надо.

Глава 4

Приготовила ужин и накрыла на стол. Улыбнулась. Хорошо-то как дома. И единственный родной человек рядом. Что может быть лучше?

А вскоре ещё и новое жильё дадут, я работу найду, параллельно учиться буду. Вот тогда заживём со Степаном Ивановичем. По-человечески, как все. И всё плохое забудется, канет в лету, где ему и место.

Ах, мечты-мечты! Вот бы их в реальность.

Дверной звонок, надо заметить, очень громкий и раздражающий, заставил вздрогнуть.

– Я открою! – крикнула Степану Ивановичу и бросилась к двери.

– Только спроси кто, Асенька! – начал было увещевать старичок, но я лишь махнула рукой.

Кому мы нужны... Нищие дед с детдомовкой. Даже самый пришибленный грабитель не пойдёт в нашу коммуналку.

Открыла дверь и наткнулась на огромный букет кроваво-красных роз. Красиво. Даже очень. Только этому горе-ухажеру надо было вместо цветов очки купить. Надо же ему было перепутать квартиры. А невеста там ждёт, наверное, дурака.

– Привет, солнышко, – цветы перекочевали мне в руки, а «женихом» их принесшим оказался не кто иной, как тот самый странный мужчина, что должен нам дать новое жильё.

С каких это пор застройщики проблемным жильцам букеты шикарные таскают? Станный, говорю же.

А может всё-таки перепутал? Ну мало ли, может у него где-то тут девушка живёт...

– Здравствуйте... А это?..

– А это тебе, – коснулся пальцами моей щеки, точно так же, как в прошлый раз.

От него пахло сигаретами и приятным парфюмом, а вместе эти запахи рождали какой-то невероятный аромат. Я даже на мгновение зажмурилась, наслаждаясь им.

Хорошо, что вовремя опомнилась. Некрасиво как-то чужого человека нюхать. Хотя, наверное, очень смешно.

– Спасибо, но за что? – разумеется, я растерялась.

А кто не растерялся бы?!

Мне никогда не дарили цветов.

Никаких.

Никто.

А тут прям праздник какой-то.

– Захотелось. Я всегда делаю, что хочу, Ася. Вот ты мне понравишься, я тебя захочу и знаешь, что сделаю?

– И что же? – улыбнулась ему в ответ.

– Украду тебя, – прошептал заговорщицки и слегка приобнял, показывая, как будет меня похищать.

Я засмеялась и вывернулась из его рук, едва не рассыпав розы.

Нет, противно не было, как случается всякий раз, когда меня кто-то трогает. Даже было приятно, что такой взрослый, красивый и обаятельный мужчина не смотрит на меня, как на маленькую бродяжку, а флиртует. И пусть это всего лишь часть его работы, но мне понравилось.

– А чем это так вкусно пахнет? – принялся, а я чуть по лбу себя не стукнула.

Вот невежа какая!

Человек тут с цветами, с улыбкой, «солнышко» опять же. А я даже в дом не пригласила.

– Ой, это я борщ сварила! Проходите, поужинаете с нами. А Степан Иванович сказал, что вы ещё придёте по поводу квартиры и...

– Тсс, – прижал палец к моим губам, а я покраснела. – Помолчи, красивая. Дай полюбоваться на тебя.

Вот же... Всегда я так, когда волнуюсь. Болтаю без умолку, не остановить.

– Простите... Я просто хотела сказать... – выпучила на мужчину глаза, когда его большой палец скользнул между моих губ, дотронулся до языка и слегка

надавил подушечкой. – Что вы делаете?! – отшатнулась, но он поймал меня за затылок и, притянув к себе, поцеловал.

Нежно, еле дотрагиваясь, пригубил и отпустил. А я вспыхнула от пожара, что прошёлся по телу и заставил сердце колотиться в груди с глухим стуком.

– Зачем вы...

– Потому что захотел.

Я сглотнула и отошла в сторону, вырвав свою руку из его.

– Степан Иванович там...

– Найду. Ты мне борща налей.

* * *

Хороша, малолеточка. Охренеть, как хороша! Не то, чтобы у него не было молодых девочек до неё... Были. Даже много. Но ни одна не нравилась настолько. А после «проверки» так и вовсе отношение менялось на сто восемьдесят градусов.

Но эта...

Пиздец просто, какая прелесть.

Губки её сочные, вкусные, до греха доведут. Как коснулся их, так одурел. Чуть не набросился на девочку, как идиот.

Нельзя. Пугливые они, целочки. Тут за один день не получится. Издалека надо заходить. Подарочки, цветочки, шмотки. Но нахрапом. Ни минуты ей не дать на раздумья. Бабам вообще вредно думать. Когда они начинают включать свою пресловутую логику приключаются бедствия.

Дед ещё этот. Макар сразу понял – этот заёбёт под ногами путаться. То и дело на девочку ворчит, да в комнату прогоняет.

– Пусть с нами поест, – обломал старого и Асе стул отодвинул. – Садись, красивая.

Она зарделась и опустила глазки в пол. Да. Это то, что ему нравится. Чуть слюнями не подавился и еда тут не причём.

Она аккуратно присела, а Макар одной рукой пододвинул к себе вместе со стулом. Девушка ахнула и снова покраснела, умоляюще взирая на деда, что уже пятнами пошёл от наглости бандита.

– Кушай, Асенька, кушай, – кивнул ей старик и требовательно уставился на Лавра. – Ну, рассказывай, мил человек, чего пожаловал? Мы же вроде договорились обо всём. Что ещё от нас, нищих, понадобилось? – так и норовил Степан Иванович выпереть незваного гостя.

Только от Лавра так просто не избавиться. Он-то уже всё решил для себя и цели наметил. И девочка ему приглянулась – не отступится теперь.

– Нет, Иваныч. Не договорились. Мне друг мой передал, что ты капризничаешь, как девица красная, вот я и заглянул, чтобы лично переговорить.

Повернулся к девушке и подмигнул, а та снова покраснела. Стесняшка.

– А в чём дело-то? – старик нахмурился, поймав взгляд Макара, предназначенный Асе. – Вам же даже лучше. В одну квартиру нас заселите и делу конец.

Вот же упырь старый!

У Макара аж челюсти свело от злости.

– Нет, Иваныч. Нихрена не так. Ася девочка взрослая уже, совершеннолетняя. Да и жильё ей причитается, сам знаешь. Опять же, жизнь ей личную устраивать надо. А тут ты. Без обид, но ведь сам понимаешь, что девчонке молодой со стариком жить как-то не комильфо.

Дед нахмурился ещё пуще, но понимающе кивнул. Скорее всего, просто, чтобы голову Макару задурить, да отправить восвояси. Одного не рассчитал – Лавра не так просто обскакать, ибо не сегодня родился. Хитрожопых таких перевидал за свою жизнь немало.

– Ну вот и замечательно, – Лавр фальшиво улыбнулся и повернулся к Асе. – А ты со мной сейчас поедешь. Квартиру посмотрим. Ну, давай сюда свой борщ, – взял ложку и принялся за еду, про себя отметив, что у девочки руки растут из правильного места.

Старик закашлялся, а затем, шлёпнул по столу ладонью. Это движение Лавру не понравилось и взгляд его потемнел.

– Ася дома останется. Ты, мил человек, кушай на здоровье, да езжай... По своим делам. А нам адрес скажешь, мы сами поедem посмотрим.

Макар небрежно промокнул губы салфеткой и, смяв её, усмехнулся. Нехорошо так усмехнулся. Зло.

Степан Иванович с опаской взглянул на девочку.

– Асенька, ты иди, собирайся. Мы поедem сейчас, – Лавр даже не взглянул на неё, сверля огненным взглядом деда.

Девушка схватилась и заспешила прочь, а Степан Иванович снова поймал взгляд бандита, брошенный ей вслед.

– Значит так, старик, – Лавр повернулся к нему и сжал в руке ложку так сильно, что та погнулась. – Не вздумай мне мешать, а то я Асю заберу насовсем, хрен увидишь её, понял?

Разумеется, Лавр блефовал. Нет, не потому, что честный такой. Просто Асю ему не хотелось бы спугнуть. Заставить-то её можно... Да больно по любви хочется. Чтобы не брыкалась. По-хорошему с девочкой надо.

Старик вздохнул.

– Зачем она тебе? У неё и так жизнь не сахар, оставь сиротку в покое. Она же в дочери тебе годится...

– Я всё сказал, Иваныч. Станешь девочку от меня прятать – больше её не увидишь. Бывай, – поднялся и пошёл на поиски девушки. – Асенька-а-а! Ты готова?

Она робко вышла из комнаты, прижимая к себе куртку.

– Готова, – улыбнулась, отчего у Макара дыхание сбилось.

– Поехали тогда.

Глава 5

– Ну, рассказывай, – одной рукой вцепился в руль, а пальцами второй постукивал по своей ноге, изо всех сил перебарывая внутреннего зверя, что готов был наброситься на девочку.

Наброситься и тупо поиметь. Примитивность какая, мать честная! И главное, откуда? Девчонка повода не давала. Даже улыбается как-то целомудренно.

Вот эта целомудренность и цепанула. Да так, что не по себе Макару стало. Уже не мальчик, чтобы так голову терять. Нехорошо это. Неправильно. Но если посмотреть под другим углом, то очень даже неплохо. Ему ведь жить с ней, детишек рожать. А тут и страсть и влечение. Чем плохо?

– Что рассказывать? – святая простота нахмурила свои аккуратные бровки.

Ох, милая... Да что угодно! Лишь бы он не думал о том, что ты между ножек прячешь. Хоть о селекции баклажанов, блять.

– О себе рассказывай, – произнёс негромко хриплым голосом и щёки девочки почему-то порозовели.

Он сто лет не видел, чтобы так смущались. Всё-таки идея поиметь девушку не так уж и плоха. Ну и что, что невинная? Он же сам... И для себя. И после, только его она будет, если, конечно, до сожительства дело дойдёт. А там уж он постарается. И ей хорошо будет и ему замечательно. Потом дети родятся. Вот тогда он сможет с уверенностью сказать, что добился всего.

– Я из детдома... – снова застенялась, поджала губы и опустила взгляд.

– Это я знаю, Асенька. Сочувствую и... Забудь, в общем, о детдоме. Теперь у тебя всё хорошо будет. Новая жизнь, так сказать, – даже пожалел, что заставил её вспоминать жестокое детство.

Жалко девочку.

Надо же было у таких родителей родиться.

– Да ничего, – робко улыбнулась, но глаз не подняла.

Хоть бы реветь не вздумала.

– А сейчас какие планы? – он-то, дурак, приготовился слушать, что маленькая детдомовская девочка с пелёнок мечтала о большой дружной семье и сейчас с огромным удовольствием положит себя на алтарь семейной жизни.

А тут и жених имеется...

Ага. Раскатал губу.

– Ой, я очень хочу учиться. Прямо очень-очень, – только не завизжала от радости.

Вот те на...

– Учиться? – вот как-то в планы Лавра не входили эти глупости девчачьи.

– Да. Я хочу юристом стать, – с гордостью так протянула – выебнулась.

Прелесть какая.

– Не девчачье это дело, Ася, – как-то настроение даже пропало у него.

Да тут не только настроение упадёт, а и кое-что другое тоже.

Юристом она быть хочет.

Размечталась!

– Почему это не девчачье? – снова робко, как будто опасаясь.

Правильно опасается девочка. Только об этом ещё не знает.

– Потому что дело женщин – быть хорошей мамой и женой. Это ваша главная роль. А строить карьеру и зарабатывать бабло должен мужик. Его задача тянуть лямку, а не...

– Да вы не поняли! – весело так, с задоринкой, оборвала на полуслове, что Макару не то, чтобы сильно понравилось, но выговор решил отложить до лучших времён. – Мне нравится это. Я хочу строить карьеру и работать. А муж и дети... Ну это не про меня точно, – беззаботно пожала плечами, аки та стрекоза, что из байки.

У Макара аж челюсти свело. Прямо до скрежета зубовного. Вот тебе и детдомовка скромная. А запросы-то! Нет, он, конечно, мог бы позволить ей учиться. Беременные учатся, с детьми учатся, замужем тоже... Но карьеру! Какую, нахрен, карьеру ей?! Западных фильмов пересмотрела, что ли? Или это новый способ выпить из мужика всю кровь?

Ах да! Эмансипация блядская! Бабы типа гордые и независимые стали. Скоро яйца себе пришьют и скажут, что мужики им не нужны.

Такой расклад Макара не устраивает совершенно. Эти глупости пресекать надо. На корню!

– Приехали, – Лавр как-то загадочно улыбнулся и заглушил мотор. – Ну что, пойдём, посмотрим твою новую квартиру.

Шёл за ней, давясь слюнями. Даже в подростковом возрасте такого с ним не происходило. Не то чтобы девочка такая сексуальная... Даже, скорее, наоборот – целомудренная вся такая, скромная. Но как же заводит. Одна попка, обтянутая простенькими джинсами чего стоит. До ломоты в теле, мать её.

– В лифт, – скоординировал направление и, конечно же, пропустил девочку вперед, чтобы ещё пару секунд понаблюдать за её задком.

– Здесь так красиво, – огляделась в лифте и мило улыбнулась Лавру.

Охренеть. Красиво ей. Всего лишь лифт, ёлки! Она в каких условиях жила-то?! Хотя, конечно, не трудно догадаться, в каких. Что же случится с этим чудом, когда в квартиру зайдет? На этой мысли Макар хмыкнул.

Взял её за руку и вывел из лифта.

– Добро пожаловать домой, Ася, – открыл дверь, затолкал засмущавшуюся девочку во внутрь и зашёл следом. – Ну, как тебе?

Мог бы и не спрашивать. Тем более, что его уже никто не слушал и не слышал. Ася замерла у порога и, ошалело выпучив глаза, выдохнула.

– Вот это... дааа!

То ли ещё будет, Асенька. То ли ещё будет, милая.

– Проходи, – подтолкнул девчонку вперёд и чуть не сошёл с ума, когда она наклонилась, чтобы снять обувь.

Подошёл сзади вплотную и, крепко схватив её за талию, прижался к аппетитной попке пахом.

Да, глупость.

Да, придурок.

И объяснить, что с ним произошло не мог. Просто голову потерял от этой позы. Подсознание услужливо нарисовало картинку, где они в таком же положении, только обнажённые, а девочка закатывает глазки от наслаждения, пока он вгоняет в неё свой член.

Вот это, мать его, приход! Давно так от девки не «штырило».

– Вы... Чего? – слышался робкий, испуганный голосок Аси, и Лавр, наконец, пришёл в себя.

Нехорошо.

– Не разувайся, – так себе отмазался, конечно.

Девчонку отпустил, а сам отошёл. От греха подальше.

Нет, мог бы трахнуть её. Прямо завалить, разложить и поиметь. Но как-то оно не по кайфу будет. Отпугнёт милаху, потом придётся либо таскаться за ней годами, либо ломать под себя. Ни то, ни другое Макара не устраивало.

Слышал, как девочка облегченно выдохнула и, не став снимать обувь, потопала за ним.

* * *

Квартира сногшибательная.

Даже не так... Она очуметь какая офигительная! Но я, конечно же, старалась держать себя в руках. Неудобно было бы прыгать до потолка и визжать от счастья. А так хотелось...

Евро ремонт, новая мебель, техника. Всё здесь было чудесно. И, если честно, мне никогда раньше не приходилось бывать в таких квартирах. Только в кино такие видела. Одно смутило... Квартира была двухкомнатной! Как-то это странно.

– Аааа...

– Дело в том, что ваш дом я хочу снести уже на следующей неделе. А из доступного жилья пока имею только такую квартиру. Нет, у твоего старика, разумеется, поскромнее жильё будет, но...

– То есть, эта квартира... Ненадолго? – тут же покраснела.

Вот что за дурацкая привычка у меня, перебивать старших?

– Если захочешь, то я оставлю её тебе, – он как-то загадочно ухмыльнулся и, взяв меня за руку, повёл на кухню. – Холодильник полный, все полки забиты. Это кофемашина, разберешься? А здесь посуда. Готовишь ты хорошо, в чём я уже убедился, так что... – он развел руками, отчего-то хитро улыбаясь.

Если честно, то меня как-то настораживала его странная опека.

– Ну, продукты – это уже лишнее.

Никогда я ещё не бывала в подобных ситуациях, но уверена, что это всё не от доброты душевной. Уж кого-кого, а детдомовца напускной добродетелью не обмануть.

– Асенька, – он подошёл ко мне вплотную, и приятное его дыхание коснулось моего лица. – Я не стану тебя обманывать. Ты мне понравилась. Очень. Мне приятно помогать тебе. Давай не будешь включать гордыню, ладно? Мы не в то время живём. Просто скажи «спасибо» и наслаждайся, окей? – он говорил серьёзно и прямо, без всяких изворотов и расшаркиваний.

От такой речи мне стало как-то неудобно и даже стыдно. «Понравилась» – это, конечно, замечательно. Только я не маленькая и хорошо понимаю, чем это «понравилась» заканчивается. Он затащит меня в постель, а после забудет. Уж точно такой, как он не станет в жены брать детдомовскую девчонку. Только в сказках принцы на Золушках женятся.

А вообще, я замуж и не стремлюсь. Даже мысли такой не допускала. И тем более, мне не нужны отношения.

– Послушайте...

– Ася, – он предупреждающе взглянул, заставляя меня замолчать. – Я тебя ни к чему не принуждаю и моя благосклонность ни к чему тебя не обязывает. Но я очень не люблю, когда меня пытаются учить уму-разуму. Закроем эту тему. Лучше кофе мне сделай.

Глава 6

Кофе, так кофе. Мне не трудно. Заодно будет возможность отвернуться от него... Нет, он не был противен мне или несимпатичен. Скорее, наоборот. В квартире было душно и он, расстегнув до половины свою чёрную рубашку, явил моему взору мощную грудь с какой-то странной наколкой. Поймав мой взгляд, усмехнулся и, чуть склонив голову набок, принялся разглядывать меня в ответ. Какой позор... Почувствовала, как начинают полыхать щёки и захотелось сбежать, что было бы совсем глупо и по-детски.

Отвернувшись и принявшись в панике щелкать кнопками кофемашины, но дурацкий аппарат словно издевался надо мной, сверкая разноцветными лампочками.

– Смотри, как нужно, – он подошёл сзади и, прижав меня своим телом к кухонной панели, начал показывать, как работает машина. – Вот так, – выдохнул мне в шею и я застолбенела. – Пахнешь как, бляяя... Тебя для меня сделали, Асенька. Для меня, – продолжал нести какую-то дикую чушь, а я млела от его приятного, тёплого дыхания на своей коже.

Не знаю сколько мы так простояли, но очнулись только тогда, когда кофемашина издала неприятный звук и вместо кофе из неё повалил горячий пар. Я бы точно ошпарилась, если бы меня не отдернули в сторону его руки.

– Сломалась, сука, – резюмировал Лавров и, осмотрев мои руки на предмет ожогов, выдохнул. – Прости, мой косяк.

Тут же стал серьёзным, как будто не он только что ласкал меня так... Горячо. И мне понравилось! Впервые в жизни мне нравились чужие прикосновения и я

дрожала не от страха, а от наслаждения. Но гадская машина всё испортила...

Так, соберись, Ася. Вообще-то этот человек тебе чужой! Ты даже отчества его не знаешь!

Почувствовала себя какой-то дешёвой девкой и внутренне сжалась от стыда. Вот что он сейчас подумает обо мне? Что я шлюшка какая-то. И будет прав.

Но сам-то тоже хорош! Разве я давала ему повод так себя вести? Теперь уж сомнений точно не осталось – решил меня в койку затащить.

– Простите... Макар... Как можно к вам обращаться? – всё же я должна расставить все точки над «і», а то невесть что себе нафантазирует.

– Просто Макар. Что, Асенька? – он не смотрел на меня, отключал кофемашину от сети, а я невольно залюбовалась жилистыми его руками с закатанными рукавами, золотыми часами и синими татуировками.

– Я хотела бы... В общем, вы извините, но я не продаюсь, – что я несую?!

И ведь не забрать слова обратно!

Лавров оставил машину и повернулся ко мне. Брови приподняты, а глаза непонимающе взирают на меня. Только я могу опозориться за полминуты два раза.

– Ты о чём, Ася?

Ася.

Я уже привыкла, что он меня Асенькой называет. А тут «Ася»... Это он злится, что ли?

– Я имела в виду, что ни за какие блага... Будь-то квартира или продукты... – окончательно запуталась в своём бреду и поникла.

Но он понял меня, как ни странно. Даже зубами скрипнул – не понравилось, видать.

– Что за глупости ты говоришь, красивая? Разве я тебе предлагал раздвинуть ноги за жильё? Или, быть может, обидел чем? По-твоему, я настолько безнадёжен, что кроме денег – ничем завлечь не могу?

Ну вот. Язык мой – враг мой. И перекрутил всё как! Прямо до одури стало неприятно от себя и обидно за него.

– Макар, что вы?.. Я не это хотела сказать! – готова была провалиться сквозь землю, лишь бы выбраться из этой неудобной ситуации.

Он больше не смотрел в мою сторону. Просто взял кофемашину и пошёл к выходу.

– Ключи в двери. Подумай. Если нравится квартира – завтра перепишем на тебя. Я заеду после обеда.

Входная дверь хлопнула, а ещё стояла добрых пять минут, пытаюсь прийти в себя. Какая же дура непроходимая! Вот так взять, и обидеть хорошего человека!

* * *

Макар вальяжно расселся на старом скрипучем стульчике и наблюдал за каждым движением Аси внимательным взглядом хищника.

Девушка чувствовала себя неуверенно и неловко, что прослеживалось в каждом робком взгляде в ответ и даже дыхании – учащённом и сбивчивом.

– Что ты надумала, Асенька? – спросил её тихо, отчего девушка покраснела.

Она даже от голоса его смущается! Хороший знак, вообще-то. Была бы равнодушна – не стеснялась бы так. Да и если вспомнить, как она дрожала в его руках, пока тискал в новой квартире... Нет, девочка, определённо, на крючке.

– Я тут посовещалась со Степаном Ивановичем... В общем, мы согласны переехать в эту квартиру только вдвоём. Он уже старенький и ему уход нужен...

Макар аж рыкнул. Еле сдержался, чтобы не стукнуть по старенькому столику кулачищем. Сдержался, опасаясь напугать девочку. Но как же этот старый хрыч его заебал! Лавр тут к малолетке подход ищет, почву прощупывает, сканирует её и так, и эдак, а дед то и дело палки в колёса суёт. Ну не сука, а?!

Хорошо, что свалил старикашка перед его, Лавра, приходом, а то избиение пожилого «одувана» бонусов в глазах девчонки ему не прибавит.

– Асенька, милая, – он снисходительно улыбнулся и, взяв девушку за руку, потянул на себя. – Ты же взрослая девочка. Зачем тебе это всё? Ну будешь приходить в гости к старику, помогать ему... Это естественно. Но жить с дедом? Ась? Посмотри на меня, – девочка сдавленно пискнула, когда он властно, с замашками собственника, усадил её себе на колено. – Может мужчина у тебя будет, а ты с дедом живёшь. Не правильно это.

И губами по её щеке прошёлся. Невесомо, еле ощутимо. Однако, Асе этого хватило, чтобы покраснеть ещё больше.

– Какой мужчина? Не о себе ли говорите? – надо же, смелости набралась съязвить.

Чуть не писается от страха, а туда же. Даже взбрыкнула, пытаюсь встать, но Макар тут же подавил немой бунт и, положив ей руку на затылок, притянул к своим губам для поцелуя.

– А хоть бы и я. Что, не нравлюсь?

Зарделась. Ещё немного и пар из ушей повалит от перегрева. А Лавру по кайфу. Даже не стал скрывать свою эрекцию. Взял её маленькую ручку и к паху приложил.

– Видишь, как нравишься мне, красивая?

Ася задохнулась и занервничала ещё пуще. Хорошая девочка. Даже жаль портить её, такую скромняжку.

– Отпустите, пожалуйста... – в глазах Аси заблестели слёзы и Макара словно кипятком ошпарили.

Тут же разжал объятия и позволил девушке встать, а та отбежала от него на добрых полметра.

– Ты что, девочка? – удивился такому повороту и поднялся, чтобы шагнуть к ней, снова заключить в объятия. – Напугал тебя, что ли? Ну что ты? – усмехнулся, прижал её к своей груди крепче.

– Не делайте так больше! Отпустите! – опять воспротивилась, что Макару категорически не понравилось.

Поспешил, видимо. Он-то мужик бывалый, всяких девок перевидал. И развратные были, попросту – шлюхи. И чистые целочки, как эта. Но вот с Асей прям что-то у него не как со всеми... Клинит на ровном месте, аж голову теряет и самообладание. Куда ему, толстокожему бандюку, к этой малышке хрупкой со своим стояком мальчишеским. Тут надо аккуратнее действовать. Хитрее.

– Я не обижу, Ась. Только не бойся меня. Ну понравилась ты мне, красивая! Давай, на свидание, что ли, сгоняем, а? Руки распускать не буду, честно! – выставил ладони вперёд, а сам подумал, что, возможно, разложить девочку после «свиданки» – не такая уж и плохая идея.

Тут главное бдительность её усыпить.

– Я не знаю... – Ася растерялась от его прямоты и настойчивости.

Маленькая, глупая девочка...

– Ась, ты мне скажи, если я вдруг тебе неприятен или ещё что... – он нахмурился, ловко изображая из себя оскорблённую невинность. – Я отстану, если так. Просто... Меня столько раз обманывали. Я прошу тебя, будь со мной честна, – схватился за её хрупкие ручки, как утопающий за соломинку, и в глаза

проникновенно так смотрит, с болью.

Ася чуть не застонала. Было заметно невооружённым взглядом, как ей жаль его. Сама того не желая, бедная девочка снова обидела доброго дяденьку. Вернее, глупышка так думала в силу своей доброты, что цепляло Лавра за жабры ещё крепче. Сколько же любви нерастраченной в ней, этой маленькой девчушке, которую даже детдом не сломил? Вот бы ему всю её, любовь эту!

– Нет! Я не буду обманывать! Что вы?! Ох... Макар, простите! Я не хотела вас обидеть, – залепетала, глядя на него снизу вверх. – Я пойду на свидание! – выпалила и покраснела, опустив взгляд.

Попалась, девочка. Попалась, красивая.

Глава 7

Она была как лучик света среди пафосного контингента. Словно инопланетянка. Никак не сочеталась с расфуфыренными «шкурами», что притащились в ресторан со своими «папиками».

Воздушная, чистая, такая простая в своих простеньких джинсах и синей кофточке, но в то же время безумно хорошенькая. Без тонн макияжа, перекачанных губищ и нарощенных ресниц. У неё всё это было, но не приклеенное и надутое, а своё, то, чем наградила матушка-природа.

Но, вообще-то, Макар тоже не из тех самых «папиков», рыхлых, лысых, притягивающих женщин только толщиной своего кошелька.

Лавр – мужчина видный, породистый. Женщины растекались лужицей при одном взгляде на него. Одна осанка этого мужчины чего стоит. Лицо, правда, грубовато, словно из камня высечено. Кулачищи огромные, плечи широкие, мощный торс. Слишком взрослый для Аси, слишком опасный.

Только девочка не замечала того. Отчего-то она была уверена, что рядом с ней добрейшей души человек.

Не то чтобы Ася была слишком наивной или глупой, нет. Просто, наверное, ей хотелось иметь хорошего надёжного друга, заступника... А любезно выданная квартира, его широкие жесты, уверенная, хоть и немного грубоватая речь – заставили чувствовать себя в безопасности, под защитой. Его защитой! Такого сильного и мужественного.

А тут ещё пресмыкающиеся официанты и метрдотель, что буквально под ноги стелились. Его улыбка уверенного в себе мужчины. Сила и превосходство над окружающими в каждом движении и взгляде. Неотразим просто...

Как тут не вскружиться головушке девичьей?

А Макар был на седьмом небе. Девочка запутывалась в его паутине, словно доверчивая бабочка. Слушала его с открытым ртом и даже не дышала. Маленькая глупышка.

Знала бы она...

Вечер проходил замечательно. Если поначалу Ася смущалась и опускала глаза, стесняясь своей слишком простой одежды и скромной причёски, то уже час спустя чувствовала себя замечательно.

Макар умел завлечь непринужденной беседой и остроумными шутками, хоть и были они немного пошловаты...

Поспособствовали их чудесному времяпровождению также отменная французская кухня и дорогое вино. Последнее пришлось Асе по душе и с непривычки она быстро опьянела.

Они потеряли счёт времени и задумались о возвращении домой только когда девушку замутило. Точнее, задумалась только Ася. У Лавра же были совершенно другие планы на сей чудный вечер.

Девочка даже не поняла, что её обманули. Она была в полной уверенности, что Макар везёт её домой и, позволив себе расслабиться, уснула прямо в машине.

Тошнота прошла, наступила эйфория – тягучая и сладкая, как мёд. Открыла глаза и, увидев перед собой лицо Макара, счастливо улыбнулась.

– Ты хороший. И мне так... Хорошо, – прошептала, даже не осознав того, что лежит на кровати, а мужчина потихоньку её раздевает.

Лавр хмыкнул и коварно усмехнулся.

– Сейчас будет ещё лучше, красивая.

Ася почти уснула снова, но из цепких объятий Морфея её выдернули чьи-то сильные руки, что своими настойчивыми прикосновениями дразнили и не давали уйти от реальности.

Той реальности, где юная маленькая девушка лежит совершенно обнажённая под смуглым, украшенным тюремными татуировками телом того, что не намерен оставаться без «сладкого».

Той реальности, где она начинает осознавать происходящее и начинает сопротивляться, но мужчина непреклонен.

– Макар, нет... – упирается своими маленькими ладошками в его грудь, но он лишь сильнее налегает на неё и что-то шепчет на ушко.

Что-то нежное и приятное. Тепло и отчего-то радостно, хоть и не хочет она секса. Не сейчас... Не так...

Только Лавру всё равно. Не для того он так старательно «окучивал» её, наивную, чтобы сейчас встать и уйти. Не сможет он, даже если захочет. Слишком сильно хочется её.

– Не бойся, моя красавица. Ничего не бойся. Я аккуратненько. Даже не почувствуешь ничего.

И медленно, нежно проталкивается в неё. Входит так аккуратно, насколько только позволяет его сумасшедший темперамент и похоть, что завладела разумом и телом.

– Вот так! – глубокий толчок и... Стон девушки.

Не боли стон, а наслаждения. Ей хорошо и это, бесспорно, замечательно... Было бы, если бы девушка была опытной. Но она ведь должна быть девственницей! Должна, мать её!

И тем не менее, не девственница.

Макар сглотнул и отстранился. Вышел из неё и посмотрел на свой член. Никаких признаков. Ни единой капельки крови. Ничего.

* * *

Если бы сейчас кто-то спросил меня, что же произошло и почему я иду вся растрёпанная, полураздетая по городу – я не нашлась бы с ответом. Всё случилось как-то быстро, неожиданно так. Словно Макара подменили. За какую-то минуту он превратился из спокойного, обаятельного мужчины с ленивой, снисходительной улыбкой – в агрессивного зверя. Я даже не поняла что послужило тому причиной. Ведь это я должна была злиться на него за то, что так бессовестно воспользовался моим состоянием и затащил в кровать. Но... Глупо винить его. Я сама виновата. Не стоило пить вино. Не стоило доверять ему.

Он практически изнасиловал меня. Поначалу был ласковым, нежным, целовал и касался настолько бережно, что кружилась голова – так было приятно. А после, навалился и трахнул. Именно трахнул. Как делал это Володя.

Как только Макар получил своё я стала не нужна. Исчезла его обходительность, не стало ласки. Просто поднялся с постели и велел убираться. Грубо, с омерзением каким-то. Словно я сама напросилась к нему в постель и он сделал мне одолжение.

Слёзы застилали глаза, а сердце превратилось в кусок угля. Так больно мне не было даже тогда... Когда меня лишили невинности, привязав к батарее. Наверное от того, что Володя не скрывал своей сущности, а Макар... Макар так жестоко меня обманул.

Забегала в квартиру и замерла у порога, встретившись с обеспокоенным взглядом Степана Ивановича.

– Асенька! Слава Богу! Где же ты была?! Я уже извёлся тут! Оставила записку, что скоро будешь, а сама...

– Простите, – только и смогла выдавить из себя.

Осела прямо на пол и заревела, закрыв пылающее лицо ладонями.

– Ася...

Степан Иванович охнул, видимо, поняв, что со мной произошло. Обнял меня и тихо вздохнул.

– Добился таки своего, бандит сволочной.

* * *

Вспоминала и кричала в подушку, заглушая вопли боли. Царапала деревянную спинку кровати, ломая ногти и раздирая пальцы в кровь. Всё случилось снова. Это произошло опять. С той разницей, что тогда меня взяли силой, а теперь хитростью. И в этот раз больнее. Нервы оголены, а грудь разрывают болезненные крики.

Степан Иванович стоял под дверью, умоляя меня открыть, не делать глупостей, но я не могла подняться. Не хотела говорить и «идти вперёд», как советовал психолог в детдоме. После того, что со мной сотворил Макар я уже не соберу себя по осколкам. Не вылезу из этого болота, что засасывает меня всё глубже, а грязь его забивается мне в рот, лишая кислорода.

Но когда за дверью послышался ЕГО голос, все остальные звуки стихли и я, казалось, растворилась в воздухе. Вернее, мне так хотелось... Чтобы не слышать его. Чтобы не видеть. Чтобы не вспоминать, что этот человек сделал со мной.

– Открой мне дверь, Ася! – последняя заходила ходуном от его ударов, а я закрыла рот руками и сползла с кровати.

– Оставь её! Чего тебе, окаянный?! Мало поиздевался над бедной девочкой?!

– Отвали дед! Я хочу её видеть! Ася! – его голос резал по нервам, заставляя душу кровоточить.

Зачем он пришёл? Неужели мало было моего унижения?

* * *

Он лоханулся. Причём жёстко так оземь ёбнулся. Аж дух вышибло. Не ожидал, что девочка сладкая и не девочка вовсе. Такая, как все. Ничем не отличается от остальных. И это было неприятно. Даже выгнал её. Тупо поимел и выкинул, о чём пожалел уже через час, а через два мчался за ней на полном ходу.

А ведь его никто не обманывал. Он сам придумал себе невинную девчонку, сам её нарисовал в своём воображении.

И чем дольше размышлял, тем явственней ощущал свой косяк. Мощный такой, подлый. Он же девочку детдомовскую себе под бок уложил. Причём из детдома её выпустили совсем недавно. Мало ли что там могло случиться. А он её, как шалаву выставил...

Дверь коммуналки была не заперта и Макар влетел на полном ходу. Донёсся до ушей голос старика, он умолял Асю открыть и не делать глупостей, а у Лавра перед глазами всё почернело. Это ж она сейчас там, быть может, в луже крови лежит...

Хлипкая дверь слетела с петель от одного удара, а картина, что предстала перед его взором, вышибла из головы все здоровые мысли. Ася сидела на полу, забившись в угол и смотрела на своего обидчика затравленным взглядом. А в глазах слёзы.

– Ася, не бойся, – попытался собрать мозги в кучу. – Я поговорить хочу. Давай мы сейчас с тобой сядем и просто поболтаем, а, Асенька? Я тебя прошу, кроха, дай

мне всё объяснить.

– Поговори с моим дробовиком, мразь бандитская! – за спиной раздался голос озверевшего старика, а между лопаток ткнулось дуло, скорее всего, того самого дробовика.

А дед не промах.

Глава 8

– Уверен, что сможешь со мной тягаться, старик? – процедил сквозь зубы, не сводя пристального взгляда с застывшей Аси, что от шока даже рот открыла.

Такой маленький, красивый, розовый, замечательный ротик...

А у Макара, похоже, крыша поехала, раз он думает о девичьих губах в то время, когда в спину тычут ружьём. Вот цепанула девка. А он ещё из головы выбросить хотел.

– Да куда мне с тобой тягаться-то, с буйволом таким! Я, сынок, поэтому своего старого друга и взял для беседы продуктивной! И будь уверен, он заряжен! А теперь – пошёл вон, нахрен, из моего дома! – ствол ружья ткнулся между лопаток ещё раз, но Лавр лишь усмехнулся.

– Я пойду, дед. Только девочку с собой заберу. Асенька, иди ко мне, – и как ни в чём не бывало протянул ей руку.

Девушка шумно сглотнула и, нервно всхлипнув, поднялась на ноги.

– Асенька, не вздумай! Не подходи к нему! – старик явно нервничал, что Лавру было только на руку, однако, были опасения, что дедуле станет хреново, ещё откинется ненароком.

Такой исход Макара не устраивал. Нет, не в человеколюбии дело – такого добра за Лавром отродясь не водилось. Просто это окончательно оттолкнет от него Асю.

Про себя матюгнулся. Опять он об удобстве девчонки задумался! Чтоб ей... И смотрит, сидит, на него так, что был бы бухой – зарыдал. Хотя и не факт, конечно. Скорее, трахнул бы. Как пару часов назад... Пьяненькую, беззащитную. Раздвинул ножки и поймел... Ублюдочно, конечно. Но кто от него – Лавра! – другого ждёт? Разве что Ася. Хотя уже и она не ждёт. Разбились иллюзии крошки.

– Пожалуйста... – прошептала одними губами, отчего Макару почти совесно стало. – Уходи.

Она смотрела в его глаза и видела в них то, что не видел дед. Лавру стоит только захотеть... И не поможет старичку ни дробовик, ни атомная бомба. И Ася боялась. Молчаливо умоляла его не делать этого. Уйти. Оставить.

Что ж, он, пожалуй, выполнит первый пункт. И второй, так и быть. Но оставить! Нет. Ты, Асенька теперь принадлежишь волку. Злому и страшному, серому волку. И не выпустит он тебя из своих лап. Слишком помешался на маленькой детдомовке.

– Да убери ты это нахрен! – как бы нехотя повернулся и уже в следующий миг выбил из рук Степана Ивановича ружьё. – Поздно тыкать в меня своей пукалкой. Я сказал, что заберу её, значит, так и будет.

В два шага преодолел расстояние до стены, отодрал от неё девочку и потащил за собой. Ася не вырывалась и не произнесла ни звука, лишь беспомощно оглядывалась на старика.

По пути снял с себя куртку и, накинув её на плечи девушки, открыл входную дверь. Как только сделал шаг за порог и вытащил за собой Асю, раздался выстрел и девочка, вскрикнув, закрыла лицо ладошками.

Дед – сволочь.

Чисто машинально повалил девчонку на бетонную площадку и только тогда понял, что дед попал в цель. Спину начало жечь, а в глазах потемнело.

– Господи, спаси и сохрани... – шептала девочка, всё так же закрывая лицо руками.

– Не бойся, красивая, всё нормально, – последнее, что выдавил из себя перед тем, как упасть на колени рядом с ней и отключиться.

Время от времени Лавр приходил в себя, чувствовал, как его куда-то тащат за ноги и снова вырубался. Затем снова выныривал из мрака и слышал обрывки фраз. Девчонка плакала и умоляла деда вызвать «скорую». Хорошая она всё-таки. Зря обидел. Даже сейчас, в таком состоянии, Макар жалел о том, что так глупо спугнул Асю.

Дед же, сволочь, не хотел вызывать «скорую». Струсил, старый гад. Лавр хрипло засмеялся, застонал от боли и Ася замолчала. А жаль. Ему нравится её голос. Нежный, как она сама. Бархатистый, как лепестки роз. Блядь, откуда он знает какие наощупь лепестки роз?!

Мысли путались, снова подступала адская боль. Казалось, спина превратилась в решето. А он-то, по дуруости думал, что там соль. Дед, сука.

– Вот, видишь? Живой он, подлец. Ничего с такими бандюгами не бывает. Сейчас дробь ему вытащу, раны промою и заживёт, как на собаке.

Вот про «собаку» дед в точку попал. Раны у Лавра и похуже случались, да всегда быстро заживали, даже в тюремных условиях, а там раны никто не промывает.

– Принеси мне воду, перекинь и бинты, там в ванной, на полке.

Послышалось шлёпанье тапочек – Ася побежала за водой. Лавр открыл глаза, обнаружил себя лежащим на полу. Ну да, кто же тут его поднимет, викинга здорового. Под головой подушка – уверен, это Асенька постаралась. Заботливая она, красавица.

– Я всё равно девочку себе заберу, понял, старый ты хрен? – прохрипел страшным голосом и дед вздрогнул.

– Если выживешь, сынок.

На том и отключился. Сознание его покинуло и разум провалился в сон, где в белом, коротком платице бегала Асенька. Нет, не по ромашковому полю. В его квартире.

* * *

Дрожали руки и хотелось плакать, но понимала, что этим никому не помогу. От вида крови меня замутило, но вдохнув поглубже, продолжила промывать мелкие раны по бокам, пока Степан Иванович длинным пинцетом вытаскивал дробь из других. Хорошо, что brave старичок когда-то служил медбратом в воинской части. Хотя бы знал, что делать.

Было жаль и Макара и Степана Ивановича и себя... Случись что с первым – нас посадят и это лучшее, что может произойти в подобной ситуации. В худшем случае – просто убьют.

А выживет... Кто знает, что хуже.

Такие, как Лавров не прощают подобного. По крайней мере, я уже убедилась в том, что он не тот, каким казался с самого начала. Я видела в его глазах опасные огни. Пламя адское. Нехороший он человек. Злой.

Спустя час всё закончилось и я была еле жива от страха и тошноты. Слишком большие раны Степан Иванович зашил, а потом перевязали его. На диван затащить не получилось – слишком уж он крупный. Пришлось подстелить одеяло и оставить на полу.

Осталось только ждать. Ждать, когда он очнётся и... Там видно будет. Хотя видеть это я не горела желанием.

Глава 9

Страшно и жутко. Я пыталась вырвать руки, но их так крепко связали, что не смогла даже пальцами пошевелить. А ещё ужасно темно. Я задыхаюсь от слёз и кляп во рту не даёт нормально вдохнуть. Плачу и дёргаюсь, как пойманная в силки птица. И чувствую его присутствие. Кожей ощущаю.

– Вот видишь, Ассся, – неприятно тянет моё имя, шипит, словно змея, а по моей спине пробегают импульсы тока. – Я сдержал своё обещание. Ты станешь моей.

Как гадко. Как хочется закричать. Порвать проклятую верёвку и бежать так долго, так быстро... Навсегда исчезнуть из этого страшного места.

Мычу, плачу и сучу ногами, но он сильнее. Наваливается на меня и я слышу по голосу, как подонок улыбается.

– Сейчас будем тебя воспитывать, – шепчет мне на ухо, облизывает его и слышится звук расстёгиваемой молнии.

Понимаю, что он не один, когда сбоку доносится чей-то гадкий смех и меня хватает ещё одна пара рук. Сминают моё тело, больно, мерзко, до тошноты отвратительно и страшно.

* * *

– Не надо! Нет! – раздаётся нечеловеческий крик и Лавр вскакивает, но тут же падает обратно на живот и рычит от боли, словно дикий зверь.

Боковым зрением цепляет деда, который несётся к двери. Через минуту в соседней комнате слышится плач девчонки и успокаивающий шёпот старика.

Ася?!

– Мать его, чего же так больно, сука?! – рычит, но поднимается и, пошатываясь, идёт на звуки рыданий.

Отчего-то эти всхлипы давят ему на грудь, лишая кислорода. Виски сдавливает от её страданий и так погано внутри, что физическая боль – ничто, по сравнению с этим.

Почему она так плачет? Что с ней?

Набатом в голове бьётся мысль, что ей сейчас нужна помощь и он должен идти. Опираясь руками о стены узкого коридора, он шёл, преодолевая боль, и всё-таки добрался до её комнаты.

Девочка сидела на кровати, обняв свои колени, слегка раскачивалась и смотрела в никуда. В глазах застыли слёзы и беспомощный старик рядом. Он, конечно, мужик. Только защитить Асю уже не может. И нет, Макар не испытывал на этот счёт злорадства или радости. Ему было так же погано.

– Что с ней? – не узнал свой севший, охрипший голос.

– Сон страшный приснился. Иди ложись, тебе рано ещё вставать. А утром звони своим и проваливай. Оставь нас в покое, – старик захлопнул перед носом Лавра дверь, на что последний тихо рыкнул, но не стал ломиться к ним.

– Пошёл ты нахрен, осел старый.

Упёрся лбом в гребаную преграду, замер, прислушиваясь.

– Асенька, девочка, ну что ж ты... Нельзя же так. Забудь. Было и прошло. Никто больше не посмеет тебя тронуть. Ни Володька этот, никто. И бандитам я тебя не отдам, слышишь?

Что, блядь, ещё за Володька?!

* * *

Утро было тяжёлым. Голова раскалывалась, как с похмелья, а спину жгло так, что темнело в глазах. Хорошо дед засадил. От души.

Самого старика в комнате не было, а запах стоял невероятный. Пахло манной кашей. Как в детстве. Даже мать вспомнил.

Асенька, наверное, кашеварит.

Сцепив зубы и кулаки, поднялся и отметил про себя, что боль уже не такая острая, как ночью. Заживает, как на собаке, да.

На кухне Макара ждало новое потрясение. Он даже о ранении забыл. Если бы сейчас ему прострелили ногу, не заметил бы.

Ася стояла у плиты и что-то помешивала в кастрюле – видать, ту самую манную кашу. Не было в ней ничего такого, чего Лавр не увидел ранее, но в то же время, что-то не так. Грустная, скорбящая о чём-то, она разрывала его самообладание на ошмётки. Глядя на эту девочку, он сходил с ума мгновенно. Срабатывало сразу несколько инстинктов. Защитить. Сделать своей. Отметить её. Спрятать ото всех навеки.

Даже сердцебиение участилось. Вот же... Вляпался под сороковник.

– Покормишь? – шагнул к ней, а девочка, вскрикнув, выронила из руки ложку.

– Вы... Вам рано ещё вставать, – спрятала взгляд, но не отвернулась.

Боится. Хреновато, конечно, но не критически. Уж кто-кто, а Макар умеет пудрить мозги. Жаль, что с ней не получается держать себя в руках. То и дело клинит, как подростка в пубертатный период.

– Нормально. Так ты покормишь? Жрать хочется до ужаса.

Девушка кивнула и дрожащей рукой схватила тарелку.

– Садитесь.

– Я лучше присяду. И не «выкай» мне. Уже прошли мы эту стадию.

Ася молча наливала кашу, а он, храбрясь, но побряхывая, сел на табуретку. Хорошо, дед в спину пальнул, а не в задницу – вот где позор был бы.

Всё-таки вкус детства забыть невозможно, а ощутить его спустя долгие годы – абсолютный, чистейший кайф.

Уплёл три тарелки каши, удивив своим зверским аппетитом Асю и запив сладким чаем, устало вздохнул.

– Спасибо, красивая. А теперь найди мне мой телефон.

Ася кивнула и поспешно убежала. Похоже, только и ждала момента, трусишка маленькая. Через минуту принесла ему телефон и вздрогнула, когда горячие пальцы Лавра коснулись её руки.

– Я сейчас своему другу позвоню, чтобы он заехал за мной, а ты пока расскажи, кто такой Володька и что он тебе сделал?

Ася резко выдохнула и отступила от него, словно обжегшись.

– Откуда вы...

– Ты ночью кричала. А потом я видел, что с тобой было, Асенька. От простого кошмара так не дрожат и не плачут. Расскажи мне всё.

Девочка, казалось, в комочек сжалась. У Лавра даже в груди зажгло от какого-то странного чувства. Что же натворил этот мудака Володя, что её так трясёт?!

– Не молчи Ася, – хмуро глянул на неё исподлобья, отыскивая в мобильнике нужный номер. – Это он тебя девственности лишил? Изнасиловал?

Разумеется, Макар – не пацан. Всё прекрасно понял. Он и сам, как тот мудака, позарился на прелести девочки. Нет, не жалел, конечно, о том, что взял её, но понимал, что надо было по-другому всё оформить. Не так. Не по-пьяни. Не отталкивать её потом.

– Вас это не касается. Это моя жизнь и вы не имеете к ней никакого отношения. Я попрошу вас уйти из нашего дома, иначе я буду вынуждена вызвать полицию. Степан Иванович скоро вернётся из магазина и ему не понравится, что вы тут, как дома себя чувствуете.

Надо же, как разошлась. Расхрабрилась!

– И что мне сделает твой дед, красивая? Ещё раз пальнёт? Не надейся на это. А вот полиция это, конечно, здравая мыслишка. Заодно заберут нашего «Ворошиловского стрелка». Ну так что, Асенька?

Девочка ахнула и, прижав руки к груди, взмолилась:

– Нет, не надо... Вы же не такой, прошу вас!

Он, и не такой?

Наивная кроха.

Нет, он, конечно, лучше каждый день дробью в спину будет получать, но к «мусорам» в жизни не обратится – запаadlo. Только Асенька-то этого не знает.

Макар хмыкнул и похлопал по своей коленке.

– Садись и рассказывай.

Глава 10

Я была не такой, как все. Всегда тихая, незаметная, старалась слиться с окружающей средой и никому не мешать. Так родители приучили. За любой лишний звук меня наказывали, выгоняли из дома.

В детском доме было ещё хуже, чем с пьяными родственниками. Дети жестоки. Особенно, брошенные дети. Те, что никому не нужны. Те, кого кроме

воспитателей никто не поздравляет с Новым годом, а день рождения – вообще не праздник.

Сначала я была одной из «соплюх» – так называли слабых детей. Тех, на ком оттачивали боевое мастерство и щедро награждали тумками за просто так. Просто потому что захотелось.

Правда, такое положение вещей редко кого устраивало и однажды «соплюха» не выдерживала. Так было и со мной. Одна девчонка толкнула меня в спину, а её подруга подставила подножку и я упала лицом в пол. Разбила нос и, увидев свою кровь, психанула. Просто поднялась и ударила в ответ, а когда пришла воспитательница рассказала ей о случившемся. Виновные были наказаны уборкой территории. Какое страшное наказание...

В ту ночь мне устроили «тёмную»[1 - Тёмная – коллективное избиение, характерная особенность которого состоит в том, что жертву лишают возможности видеть, кто её бьёт (например, накрывают одеялом), а затем наносят удары.]. Именно тогда, задыхаясь под тяжёлым одеялом, глухо вскрикивая от болезненных ударов, я поняла – мне никто не поможет. Никто не защитит. Я ничтожество – точно такое же, как и все здесь. Пустое место. Ноль без палочки.

Если пожалуюсь – их накажут, а меня снова изобьют. Если промолчу и сделаю вид, что ничего не случилось – продолжат издеваться.

На утро я уже знала, кто именно меня бил. Это было видно по их глазам, полыхающим жадой крови. По довольным звериным лицам.

А ночью я собрала свою маленькую команду из таких же неудачников и «темную» устроили уже той, что была предводительницей наших обидчиков. Затем, так же накрыли одеялом её подругу и избили и её. Проделали это с каждым, кто так или иначе был замешан в издевательствах над нами.

Вскоре все поняли, что «психичек» трогать нельзя. Нас оставили в покое, а мы, в свою очередь, не трогали их. Просто тихо существовали своей маленькой, но дружной стайкой. Я тогда даже поверила, что у меня появилась семья. Глупая... Нет семьи в детдоме. Там каждый за себя.

Однажды в учебном корпусе меня кто-то окликнул и я, увидев перед собой любимца всех девчонок, засмушалась.

– Привет, малышка, – он помахал мне рукой, а я завертелась по сторонам, пытаюсь понять, кому предназначалось приветствие и была несказанно удивлена, когда осознала, что разговаривает он со мной. – Давно за тобой наблюдаю... Тебя как зовут?

Мальчики и девочки жили в разных корпусах, а потому виделись преимущественно на учёбе. Но поговаривали, что иногда мальчики забегают к девочкам, когда дежурная воспитательница уснёт. Уж чем они там занимались не сложно догадаться. Многих девчонок, после таких визитов противоположного пола, водили к гинекологу, а после зачем-то заставляли разгружать тяжёлые ящики с продуктами. Уже позже я узнаю, что так воспитатели избавлялись от нежелательной беременности несовершеннолетних девчонок и спасали свои шкуры.

Правда, такое случалось не часто. Девочки в детдоме быстро выросли и научились предохраняться.

Совсем другое дело – парни. Эгоистичные будущие «самцы», пубертатный период которых не было кому сдерживать. Очень часто они насиловали девчонок постарше и я даже предположить не могла, что очень скоро сама стану жертвой...

Володя был самым крутым парнем в детдоме. Уже в двенадцать лет у него была своя «группировка» отморозков, которых боялись не только дети, но и люди, чьи дома были расположены рядом с детским домом. К тому времени, как Володе исполнилось четырнадцать – его обходили стороной даже воспитатели.

Мне же, наивной дурочке, тогда очень польстило, что такой парень обратил свое внимание на серую мышку. Правда, Володя очень скоро доказал, что я красавица и я начала видеть это в своём отражении.

У меня появились красивые вещи, косметика, что было вообще фантастикой. Вкусная еда, что не исчезала из моей тумбочки. Всё это заслуга моего парня, как он себя называл.

Меня больше не трогали и даже старшие девчонки относились с уважением. Постепенно я завела друзей и отдалилась от вечно несчастных «соплюх». Почувствовала себя человеком. Как же я ошибалась. Как глупа была, отдаваясь этой мнимой утопии.

Никто не делает ничего просто так. Всё имеет последствия и рано или поздно приходится пожинать плоды. Так и Володя однажды предъявил свои права на меня.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Тёмная – коллективное избиение, характерная особенность которого состоит в том, что жертву лишают возможности видеть, кто её бьёт (например, накрывают одеялом), а затем наносят удары.

Купить: https://tellnovel.com/ru/sherr_anastasiya/maloletka

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)